

НУЖНЫ ЛИ сейчас кому-нибудь романсы на стихи Александра Блока? Да еще в таком "промышленном" количестве, в каком их пишет Станислав Коренблит? Что это, потребность одного человека, его личная рефлексия или явление в современном музыкальном искусстве? Путь развития авторской песни или классические романсы?

Всегда самодеятельное пение на хорошие стихи жутко раздражало и вызывало ассоциацию – "культур-мультир". В случае со Станиславом Коренблитом ситуация другая. Он в первую очередь профессиональный композитор. К его романсам явно относиться по-разному, к их несметному количеству (около девяноста альбомов!) можно относиться с юмором, но не отнимешь у этой работы профессионализма. Принято в подобных случаях писать о традициях. Например: творчество Станислава Коренблита продолжает и развивает традиции русского городского романса. Это неверно. Здесь, как говорят на коммунальных кухнях, другой случай. Здесь, как говорят классики, переход количества в качество. Своим творчеством Станислав создал свой жанр. Речь в данном случае идет о явлении в российской музыкальной культуре. Композитору удастся найти интонации, не противоречащие поэзии, а усиливающие ее воздействие. Он может точно понимать и сделать осязаемым и конкретным то, что тебе только представлялось или казалось при прочтении. И здесь не нужны лишние комментарии. Он берет в руки гитару, и возникает единое целое: стихи на музыку Коренблита.

На его музыку поют и Алла Иошпе со Стаханом Рахимовым, и Валентина Пономарева, и солистка Большого театра Людмила Коржавина и др. В московских театрах идут музыкальные спектакли.

Свое сорокалетие Станислав отмечал в Центральном Доме работников искусств с со-

ОАЗИС

Новый русский... романс?

рока выпущенными альбомами на свою музыку и с несколькими десятками альбомов, в которых он участвовал как продюсер, кроме этого, был представлен целый ряд книг, вышедших в издательстве "Авторская песня", которое возглавляет Коренблит. "Ах, ах, – говорили собравшиеся на юбилей, – какой разносторонний талант!"

Итак, ЦДРИ, тусовка, шампанского сколько хочешь. Все как положено. Большой зал, полный, между прочим. Корреспонденты всякого радио и газет. Фотовспышки. В разных концах зала время от времени вспыхивает лысина фотокорреспондента "Литгазеты" А. Карзанова. Коренблит в воздушных одеждах стоит на сцене. Звучат романсы на стихи поэтов с большой буквы "Б". Блока, Бальмонта, Брюсова, Бунина, Берестова... В общем, как это называется, прикосновение, можно даже сказать, причастность к поэзии. Конферанс, не готовый к подобным прикосновениям, был в лучших традициях культмассовой работы: "А давайте-ка, пока товарищ композитор отдыхает от романсов на стихи Блока, поиграем в игру: кто напишет самое смешное

четверостишие со словом "Коренблит", а наш уважаемый композитор победителю подарит пластинку с автографом, например, я, – говорит конферансье, – уже придумал: "Щас нас всех развеселит добрый дядя Коренблит."

Кроме пения на музыку Коренблита, приглашенные пели и собственные песни. Гладков под крики: "Гриша, ворону давай!", спел про пластилиновую ворону, потом Суханов спел про зеленую карету, Берковский спел про музыку Вивальди, а уж про что спел Луферов, просто пересказать невозможно. Все это продолжалось допоздна. После чего все были приглашены в буфет, где спонсоры приготовили огромный торт, полтора на полтора метра в виде закрытой книги, придавленной гитарой. Кроме этого, на столах таяло пятьдесят сортов мороженого и было просто море шампанского. "Ах, ах, – опять восхищались присутствующие, – какой замечательный Коренблит, как он славно раскрутил спонсоров!" Вообще действительно здорово. Вот грязная, суетная, напряженная Москва. И среди всего этого бардака сидит человек и целыми днями пишет романсы на хорошие стихи. И еще находит возможность все это донести до слушателя и тиражировать не только свое творчество, а еще и выпускать пластинки и кассеты с записями своих друзей, среди которых и В. Егоров, и В. Долина, и Ю. Ким, и покойный ныне Е. Клячкин, и многие другие. И вот заканчивается юбилей, по залу прихрамывая идет усталый виножник

торжества. Все хорошо. На этом можно было бы и закончить, но почему прихрамывая? О, это целая детективная история, в которой, впрочем, нет ничего особенного. Ну шел себе Коренблит по улице или по переходу в метро незадолго до своего юбилея. Останавливает его милиционер, проверяет документы и просит пройти с ним в отделение. Коренблит говорит, что не может никуда идти, так как торопится на встречу. Правоохранитель начинает его тащить. Правоохранитель настаивает, что приводит блюстителя просто в состояние животного бешенства. Ведь если человек не сопротивляется, его тоже можно тащить силой. И дубинкой молотить тоже можно. И тут уже нетрудно себе представить, как отреагировал гражданин начальник на просьбу: "Не бейте по пальцам, я – музыкант." Правильно отреагировал. Сломал Коренблиту ногу. Потом его, конечно, отпустили, безуспешно попытавшись получить расписку в том, что претензий нет. То есть они и расписку-то не очень хотели, но так как необходимо было вызвать "скорую", они требовали расписку в том, что он обратился к ним с просьбой позвать врача, мол, что-то нога разболелась. Но Коренблит такой расписки не дал, и они в течение двух часов запрещали куда-либо звонить, с удовлетворением глядя на распухающую ногу. История, как мне кажется, очень символична. Искусство вообще вещь опасная. Как только человек достигает в любой области какой-то высоты или, как сейчас говорят, "продвинутости", то ему внезапно начинают мешать какие-то абсолютно далекие от искусства вещи. Всегда приходится преодолевать совершенно внезапные препятствия, как будто кто-то говорит: "Сюда нельзя, не лезь!" Так что бог с ней, с милицией, ее нельзя воспринимать как сознательную силу, оклемайся – и хорошо...

Антон ЗОЛОТОВ